

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 653-662
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.653

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Caucasian War in Historiography: Methodology of Crisis and the Search for a Polyphonic Narrative. An Extended Rejoinder to the Study by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko

Ruslan A. Tleptsok ^{a, *}

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is a critical rejoinder to the historiographical study by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko on the evolution of views on the Caucasian War in Soviet and Russian scholarship. The aim of the work is to identify methodological limitations in the approach of the aforementioned authors and to propose an alternative research perspective. The first part of the analysis demonstrates that the concept of a “median position” proposed by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko, while claiming objectivity, in practice leads to a hierarchization of historiographical traditions and the marginalization of the North Caucasian viewpoint through rhetorical strategies that qualify “national” historiographies as “emotional” and “radical”. The second part, drawing on the theoretical legacy of E.A. Sheudzhen, who developed the problems of the “external perspective”, historical memory, and the methodology of writing the history of non-literate peoples, as well as on the concept of history as a “memory space”, substantiates the necessity of moving from the search for a single “objective” narrative towards constructing a polyphonic model of historical writing. Additionally, the category of trauma, developed in contemporary memory studies, is employed to explain the “emotional charge” of certain historiographical texts not as a deviation from the norm of scientificity, but as a form of representation of collective experience. Special attention is paid to the methodological significance of E.A. Sheudzhen's works for understanding the nature of historiographical conflicts and overcoming the “war of historiographies”.

Keywords: Caucasian War, historiography, methodology, E.A. Sheudzhen, A.V. Bedrik, N.S. Tkalenko, historical memory, “memory space”, polyphonic narrative, “war of historiographies”, memory studies.

In memory of E.A. Sheudzhen

1. Введение

В 2025 г. было опубликовано исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, посвящённое эволюции представлений о Кавказской войне в советской и российской исторической науке (Bedrik, Tkalenko, 2025a; Bedrik, Tkalenko, 2025b). Авторы предприняли масштабную попытку систематизировать огромный корпус русскоязычной научной литературы, накопленный за более чем столетний период. Их центральный тезис, на первый взгляд, не вызывает возражений: единой, общепринятой интерпретации Кавказской войны не существует, а вокруг неё, начиная с советского времени, разворачивается непримиримая «война историографий», существенно обострившаяся в постсоветский период под воздействием политической конъюнктуры. Фиксируя этот плюрализм, авторы декларируют стремление к беспристрастному описанию различных точек зрения, провозглашая принципы «деперсонализации» и отказа от оценочных суждений. Однако, разделяя понимание значимости поставленной проблемы и отдавая должное масштабу проделанной авторами

* Corresponding author

E-mail addresses: bum102@yandex.ru (R.A. Tleptsok)

работы по систематизации материала, необходимо констатировать, что избранный ими методологический подход содержит в себе внутреннее противоречие. Предложенная авторами концепция «медианной позиции», претендующая на роль методологического инструментария достижения объективности, ведёт к усреднению различных перспектив, игнорируя при этом фундаментальную асимметрию власти в историографическом поле. Вне поля зрения остаётся особый онтологический статус истории для народов, переживших травму Кавказской войны и последовавшего за ней мухаджирства, статус, который не позволяет рассматривать их историописание как одну из рядовых «точек зрения».

Продуктивный выход из этого методологического тупика требует обращения к теоретическому фундаменту, позволяющему адекватно осмыслить природу историографических конфликтов. Одним из оснований такого фундамента для современного кавказоведения могли бы служить теоретические исследования Эмилии Аюбовны Шеуджен, автора фундаментальных работ по теории и методологии истории, историографии и исторической памяти народов Северного Кавказа. Разработанная ею исследовательская парадигма, охватывающая проблемы исторической памяти, «взгляда извне», устной истории и теоретической рефлексии, задаёт те концептуальные рамки, в которых может быть адекватно понята и репрезентирована позиция северокавказских историков. В качестве дополнительного аналитического инструмента, позволяющего углубить этот анализ и перейти от внешней констатации феномена к пониманию его внутренней, сущностной логики, выступает метафора истории как «пространства памяти». Данная метафора даёт возможность объяснить принципиально иной способ существования прошлого в культуре, не в качестве архива или ресурса для политических манипуляций, а как непрерывно обживаемого пространства, формирующего идентичность и легитимирующего социальный порядок.

Цель настоящей статьи заключается не в дополнении историографического обзора А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко новыми именами или работами, а в критической рефлексии над их методологией. Опираясь на теоретический конструкт научной школы Э.А. Шеуджен и на концепцию «пространства памяти», мы намерены продемонстрировать ограниченность подхода, основанного на поиске «медианной позиции», и предложить для теоретического осмысления возможный путь преодоления кризиса через конструирование полифоничного исторического нарратива, признающего равноправное сосуществование различных «голосов» в историографическом диалоге.

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужил корпус русскоязычных научных работ, посвящённых Кавказской войне, с особым акцентом на две группы источников. Первую группу составляет исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко (Bedrik, Tkalenko, 2025a; Bedrik, Tkalenko, 2025b), которое рассматривается нами не просто как историографический источник, но как объект критического анализа, требующий выявления его внутренних методологических установок и концептуальных следствий.

Вторую группу образуют теоретические труды Э.А. Шеуджен (Шеуджен, 2005; Шеуджен, 2006; Шеуджен, 2010; Шеуджен, 2017), задающие альтернативную оптику для осмысления историографической ситуации. Особое значение для нашего анализа имеют работы, в которых она разрабатывает проблему «взгляда извне» при реконструкции истории бесписьменных народов, а также вводит понятие «вневременных событий» как ключевых узлов исторической памяти. Кроме того, к анализу привлекаются исследования ведущих северокавказских историков К.Ф. Дзамихова (Дзамихов, 2014a; Дзамихов, 2014b), А.Д. Панеша (Панеш, 2006; Панеш, 2015a; Панеш, 2015b), С.Х. Хотко (Хотко, 2021) и др., чьи работы в рецензируемом исследовании квалифицируются преимущественно как «эмоциональные» или «политизированные». Их повторное рассмотрение в свете теоретической оптики Э.А. Шеуджен позволяет не только оспорить эту квалификацию, но и прояснить эпистемологический статус «национальной» историографической традиции, показав ее внутреннюю дифференциацию.

Методологическая стратегия настоящего исследования строится на сочетании нескольких подходов. Во-первых, это критический анализ историографического источника, направленный не на изложение содержания работы А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, а на выявление имплицитных предпосылок их анализа, способов классификации материала и риторических стратегий легитимации одних интерпретаций и маргинализации других. Во-вторых, мы применяем теоретическую оптику, разработанную Э.А. Шеуджен, которая позволяет концептуализировать проблему «взгляда извне» как методологического вызова для историографии Кавказской войны. В-третьих, для понимания специфики позиции северокавказских авторов мы обращаемся к категории травмы, разрабатываемой в современных memory studies (Шнирельман, 2023; Урушадзе, 2018; Ушпаров, 2024). Эта категория позволяет объяснить «эмоциональную заряженность» ряда историографических текстов не как отклонение от нормы научности, а как предмет научного анализа – форму репрезентации коллективного опыта.

Принципиальной для нас является рефлексия над собственной исследовательской позицией. Вслед за Э.А. Шеуджен, настаивающей на необходимости методологической рефлексии как условия научной честности (Шеуджен, 2005: 45), мы отдаём себе отчёт в том, что данная работа также

является продуктом определённой традиции и не претендует на «абсолютную объективность». Научная задача видится не в вынесении окончательного вердикта о том, какая из интерпретаций Кавказской войны является «истинной», а в демонстрации того, как методологические установки исследователя могут невольно воспроизводить иерархии, заложенные в самом типе источников и в институциональной структуре научного производства. Тем самым мы стремимся внести вклад в построение полифонического историографического пространства, в котором различные традиции историописания могли бы вступить в равноправный диалог, не устраняя друг друга через апелляцию к мифической «медианной позиции».

3. Обсуждение и результаты

Выход в свет исследования А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко можно без преувеличения назвать заметным событием в современном кавказоведении. Авторы взяли на себя смелость решить задачу колоссальной сложности: охватить и привести в систему огромный корпус русскоязычной научной литературы, накопленный за более чем столетие. Центральный вывод их исследования, на первый взгляд, кажется почти азбучным: единой, всеми признанной версии Кавказской войны не существует, и не существовало. Однако за этой кажущейся очевидностью скрывается куда более драматичный диагноз: еще с советских времен вокруг темы ведется непримиримая «война историографий», которая в постсоветский период, подогретая политической конъюнктурой, лишь разгорелась с новой силой. При этом важно подчеркнуть, что объектом анализа в данной статье выступает именно научная историография Кавказской войны, и критика строится в рамках этой предметной области.

Проблема бинарной классификации историографического поля

Одним из главных методологических упрощений, к которому прибегают авторы, является структурирование историографического пространства по принципу жесткой бинарной оппозиции. Весь массив исследовательской литературы делится ими на два условных лагеря: «горская сторона» и «русская сторона», с последующим дроблением внутри них на «умеренных» и «радикалов» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1742-1743). Такой подход, хотя и облегчает первичную навигацию по материалу, неизбежно ведет к редукции сложных, зачастую эклектичных взглядов отдельных ученых до уровня схематичных ярлыков. Особенно показателен в этом отношении пример интерпретации концепции М.М. Блиева и В.В. Дегоева. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, с одной стороны, верно фиксируют ключевое положение их фундаментального труда о том, что война «обязана своим происхождением эколого-географическим особенностям региона, которые влияли на экономическую базу горцев, что привело к развитию набеговой системы» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743). Однако в следующем абзаце они приписывают В.В. Дегоеву развитие «историографической линии обвинения в Кавказской войне внешних держав», сводя войну к «механизму в их руках» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743). Налицо внутреннее противоречие: многофакторная модель, где набеговая система выступает внутренним драйвером конфликта, а внешнее влияние лишь сопутствующим фактором, подменяется тезисом об «обвинении внешних держав». Такая трактовка существенно искажает акценты оригинальной концепции (Блиев, Дегоев, 1994).

Другой пример упрощения – характеристика школы В.Б. Виноградова. Авторы утверждают, что ее представители «принципиально или не употребляют термин «Кавказская война», или употребляют в кавычках... отрицается сам факт войны» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1744). Однако тут же, в противоречие собственному тезису, они упоминают, что «в рамках этой Школы возник такой термин, как "Малая Кавказская война"», ссылаясь на работу К.В. Скибы (2005). Очевидно, что позиция школы сложнее: она отрицает правомерность термина «Кавказская война» для обозначения всего многовекового процесса интеграции региона, но допускает его применение для характеристики отдельных локальных военных эпизодов. Смазывание этой тонкости создает у читателя неверное представление о монолитности школы, что является следствием изначально заданной бинарной оптики.

Фиксируя множественность интерпретаций, авторы сами оказываются включенными в описываемое поле историографической полемики. Декларируемый ими методологический принцип «деперсонализации» и отказа от оценочных суждений на практике оборачивается имплицитным выстраиванием иерархии исследовательских позиций. В этой неявно заданной системе координат определенная группа точек зрения обретает статус научно обоснованной, тогда как альтернативные подходы (прежде всего «национальные» историографии) последовательно маркируются как «эмоционально окрашенные», «радикальные» либо излишне политизированные.

Проблема обоснованности историографических обобщений

Ряд тезисов, выдвигаемых авторами, носят характер недостаточно обоснованных обобщений. Так, в первой части работы, ссылаясь на В.В. Лапина, они утверждают, что фиксация в Большой Советской Энциклопедии 1973 г. хронологических рамок Кавказской войны (1817–1864 гг.) и ее географии (Чечня, Дагестан, Северо-Западный Кавказ) «усилило позиции тех, кто заострял внимание на её национально-освободительном характере» (Bedrik, Tkachenko, 2025a: 1205). Данное утверждение представляет собой интересную гипотезу, однако авторы не предлагают доказательств в ее пользу. Почему сужение хронологии должно было автоматически усилить позиции сторонников

национально-освободительного нарратива? Возможно, исключение из рассмотрения событий XVIII в. действительно могло сместить фокус на «оборонительную» фазу конфликта, однако этот тезис требует развернутой аргументации с опорой на анализ конкретных работ 1970–1980-х гг., чего в исследовании не представлено. Авторы фиксируют хронологическую корреляцию, но не раскрывают причинно-следственную связь.

Несомненным достоинством работы А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко является широкий охват материала. Авторам удалось проследить эволюцию советской исторической мысли: от безусловного разоблачения «колониального гнета царизма» в 1920–1930-е гг. через постепенное смещение акцентов в сторону «прогрессивного значения присоединения» и «внешнего подстрекательства» в 1940–1950-е к появлению в 1980-х гг. концепции М.М. Блиева. Столь же детально показана поляризация постсоветского периода, где крайние точки заняли, с одной стороны, адепты теории «геноцида» А.Х. Касумов, Х.И. Тугуз, а с другой – представители школы В.Б. Виноградова.

Проблема критериев научности и языка историописания

Однако, стремясь к беспристрастности, А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко попадают в методологическую ловушку. В основе их метода лежит классическая историография описательного типа, фиксирующая наличие различных мнений, но не акцентированная на анализе глубинных причин их возникновения. Авторы сами задают критерий «научности» – публикация в рецензируемых изданиях, но тут же оговариваются, что по уровню эмоциональности многие работы ближе к публицистике (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1741). Этот формальный критерий, призванный очертить границы «науки», они тут же дезавуируют, признавая, что многие отобранные ими же работы по своему стилю ближе к публицистике, чем к научному исследованию. Таким образом, критерий, призванный отделить «зерна от плевел», сам оказывается неработоспособным и сохраняет за авторами право на субъективный отбор.

Классифицируя различные историографические традиции, авторы оперируют категориями «эмоциональность», «радикализм» или «политизированность», но оставляют без внимания более фундаментальный вопрос о языке историописания. Между тем даже нейтральные дефиниции, такие как «горец» или «кавказец», по-разному интерпретировались в прошлом и продолжают по-разному использоваться современными авторами, будучи перегруженными историческими коннотациями (Tleptsok, Sheudzhen, 2017: 196-197). Еще более сложную проблему представляют собой оценочные клише («дикие народы», «туземцы», «хищники»), которые, будучи однажды введенными в научный оборот, продолжают оказывать влияние на формирование образов прошлого. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, фиксируя наличие «крайних» точек зрения, не проводят анализ самого языка историописания, не ставят вопроса о том, как различные понятийные системы конструируют разные версии прошлого. Как справедливо отмечает Э.А. Шеуджен, «для характеристики целых народов использовался набор понятий, имеющих негативный смысл», что «становилось своеобразным ключом, запускающим психологический механизм восприятия в массовом сознании» (Шеуджен, 2006: 701). Игнорирование этого аспекта обедняет историографический анализ.

Кроме того, авторы активно используют термин «национально-освободительная борьба» для описания советской и постсоветской историографии, но не проблематизируют его. В советское время он имел конкретное марксистско-ленинское наполнение (борьба с царизмом как часть классовой борьбы). В постсоветское время у северокавказских авторов он наполняется иным содержанием (борьба за независимость, защита традиционной культуры). Фиксируя это содержание, исследователи не анализируют трансформацию самого понятия и то, как одна и та же терминологическая оболочка наполняется разными смыслами.

Декларируемый критерий «научности» оставляет без внимания и вопрос о том, как сама институциональная структура науки воспроизводит асимметрию голосов. В постклассической эпистемологии давно утвердилось понимание, что «научность» не является нейтральным, внеположным критерием, а представляет собой социальный конструкт, тесно связанный с редакционной политикой изданий, составом редколлегий и сложившимися в академическом сообществе исследовательскими приоритетами. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, формируя корпус анализируемых источников, опираются преимущественно на публикации из ограниченного круга авторов и изданий, что характерно для многих исследовательских коллективов, однако оставляют без рефлексии вопрос о том, как сам отбор источников (даже в рамках рецензируемых журналов) может влиять на репрезентативность «спектра мнений». Отсутствие анализа редакционной политики и тематических предпочтений используемых изданий создает риск методологической замкнутости, когда контуры историографического поля невольно очерчиваются кругом работ, уже вовлеченных в орбиту внимания авторов, без критической оценки возможных лакун.

Проблема «взгляда извне» и репрезентации бесписьменных народов

Принципиальное значение для кавказоведения имеет характер источниковой базы: большинство народов региона не имели своей письменной истории, что придает особую значимость проблеме опосредованной реконструкции исторического прошлого. Ключевая методологическая проблема заключается в том, что «современные историки располагают античными, арабскими, европейскими, с определенного времени, русскими свидетельствами, т.е. при реконструкции

северокавказской истории доминирует взгляд "извне"» (Шеуджен, 2006: 696). Это наблюдение имеет прямое отношение к анализу исследовательского подхода А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко. Фиксируя многообразие мнений в русскоязычной историографии, они остаются в рамках того самого «взгляда извне», доминирование которого при реконструкции прошлого бесписьменных народов давно является предметом теоретической рефлексии. Вне их поля зрения остается пласт исследований, опирающихся на устную традицию, которая для бесписьменных в прошлом народов выступает важнейшим каналом сохранения исторического опыта. В этой связи важно различать «эмоциональность» как стилистическую характеристику текста и обращение к иному типу исторического источника, каковым является устная традиция. Последняя требует не дисквалификации, а выработки специальных методов анализа, учитывающих ее природу. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, декларируя формальный критерий научности, не учитывают, что для адыгской историографии XIX – начала XX в. характерно отсутствие «национального письменного историописания», что обуславливало специфику формирования исторических представлений (Pleptsov, Sheudzhen, 2017: 197).

Авторы с самого начала сознательно ограничивают себя только русскоязычными работами, мотивируя это тем, что термин «Кавказская война» «возник в русском языке и эволюционировал... с минимальным иностранным влиянием» (Bedrik, Tkalenko, 2025a: 1204). Этот тезис спорен: они сами же в тексте неоднократно упоминают, что важной частью советской и постсоветской историографии была тема внешнего влияния (Англии, Турции) на Кавказскую войну. Полноценный анализ историографии, постоянно говорящей о внешних игроках, затруднителен без привлечения работ самих «внешних игроков». Ирония ситуации в том, что работа опубликована в американском журнале «Bylye Gody», позиционирующем себя как площадка для «международного научного сотрудничества», что делает игнорирование англоязычных исследований особенно заметным.

Хронологический нигилизм и проблема «набеговой системы»

Одним из наиболее уязвимых мест в исследовании является некритическое отношение к хронологическим рамкам Кавказской войны. Фиксируя многообразие подходов к датировке конфликта, авторы ограничиваются констатацией этого факта, не предпринимая попытки проанализировать, что стоит за выбором той или иной хронологии. Между тем, можно согласиться с мнением Г.З. Анчабадзе, что выбор хронологических рамок – 1722, 1763, 1785, 1801 или 1817 год – имеет не академический, а концептуальный характер, предопределяя понимание природы конфликта (Anchabadze, 2024: 14-15). Показательна в этом отношении позиция А.А. Черкасова с соавторами, которые обосновывают хронологические рамки 1801–1864 годов, полемизируя с советской традицией, возлагавшей ответственность за начало боевых действий на русское командование (Cherkasov et al., 2017: 68). Выбор даты для этих авторов не просто уточнение хронологии, а принципиальная смена оптики. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, не вскрывая концептуальной подоплеки разных датировок, остаются на поверхности историографического процесса.

Особую уязвимость подхода обнаруживает их отношение к концепции «набеговой системы» М.М. Блиева. Упоминая её как одну из «крайних» точек зрения, они не анализируют её научную состоятельность (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743). Г.З. Анчабадзе подвергает концепцию развёрнутой критике, показывая, что тезис о набегах, обусловленных «крайней бедностью», опровергается свидетельствами о высокоразвитом хозяйстве адыгов. Более того, он фиксирует внутреннее противоречие построений Блиева: в его монографии чеченцы становятся «хищниками» именно тогда, когда разбогатели (Anchabadze, 2024: 17). Кроме того, авторы оставляют без внимания проблему верификации историографических конструктов через обращение к эмпирическому материалу. Е.Ф. Кринко с соавторами предпринимает попытку количественной оценки боевых потерь горского населения, показывая, что при общей численности населения в сотни тысяч человек потери не привели к демографической катастрофе (Krinko et al., 2017: 831-832). Эта работа демонстрирует путь к преодолению «войны историографий»: через обращение к верифицируемым источникам и количественным методам.

Внутреннее разнообразие «адыгской точки зрения»

А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, оперируя обобщенной категорией «северокавказская» или «адыгская» точка зрения, не учитывают внутреннего разнообразия этой историографической традиции. Между тем работы К.Ф. Дзамихова (2005; 2014), А.Д. Панеша (2006; 2007), С.Х. Хотко (2002; 2019) демонстрируют различные исследовательские стратегии. Если для А.Д. Панеша ключевым является вопрос о том, как внешние игроки использовали мюридизм для мобилизации сопротивления, то К.Ф. Дзамихова интересует внутренняя логика столкновения двух цивилизационных систем. С.Х. Хотко же смещает фокус на анализ материальной культуры, доказывая, что Черкесия была не «архаичным обществом», а сложной цивилизацией с развитой агрикультурой, что напрямую опровергает тезис о «бедности» как причине набегов. Сведение этих разных исследовательских оптик к единой «эмоциональной» точке зрения упрощает и искажает картину развития северокавказской исторической мысли.

Проблема верификации «медианной оценки»

В заключении авторы вводят понятие «медианной оценки», которая, по их мнению, эволюционировала до представления о «сложном, неоднозначном конфликте», «в рамках которого нельзя возлагать вину на произошедшее исключительно на одну из сторон» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1747). Этот вывод вступает в противоречие с обширным материалом, представленным самими же авторами. Они подробно описывают «войну историографий», приводя примеры авторов, возлагающих вину исключительно на Россию (Х.И. Тугуз, А.Х. Касумов), и авторов, столь же однозначно возлагающих вину на горцев (представители Школы В.Б. Виноградова) (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743-1744). В условиях сохраняющейся и даже усиливающейся поляризации мнений, когда крайние точки зрения не только существуют, но и активно артикулируются, констатировать наличие некоего «медианного» консенсуса представляется преждевременным и не соответствующим приведенному фактическому материалу.

К вопросу о «полифоничном нарративе» как альтернативе

Преодоление «войны историографий» возможно не через поиск мифической «объективной истины» или «медианной позиции», а через построение полифоничного нарратива. Понятие полифонии, заимствованное из литературоведения М.М. Бахтина, предполагает равноправное сосуществование различных «голосов» и «сознаний», ни один из которых не обладает монополией на истину (Бахтин, 1929). Теоретические работы кавказоведов и концепция «пространства памяти» задают методологические основания для такого полифоничного подхода. Первое основание это признание множественности перспектив. В современной историографии последовательно утверждается понимание исторического познания как диалога, а не монолога. Обращение к «взгляду извне» и «взгляду изнутри» как к равноправным, хотя и различным, источникам знания создает основу для признания легитимности различных историографических традиций. Концепция «пространства памяти» по определению предполагает наличие множества обитателей с разными историями и разным опытом проживания одного и того же пространства.

Второе основание – работа с «трудным прошлым». В рамках сложившейся исследовательской традиции у Кавказской войны утверждается необходимость не забвения или эвфемизации трагических событий, а их научного осмысления, свободного от «митинговых криков» и политической конъюнктуры. Такой подход позволяет говорить о травме, не скатываясь в риторику взаимных обвинений. «Пространство памяти» требует признания всех его слоев, включая самые трагические, их нельзя снести или закрасить, их можно только вписать в общий архитектурный план. Третье основание – методологическая рефлексия. Одним из ключевых требований современной исторической науки является обязанность исследователя рефлексировать над собственными методами, предпосылками и ограничениями. Это требование в равной степени относится как к исследователям, работающим в рамках «имперской» парадигмы, так и к тем, кто разрабатывает «национальную» историю. Только такая рефлексия позволяет сделать исследовательскую позицию прозрачной и доступной для критики. В контексте «пространства памяти» это означает осознание того, из какой точки ведется наблюдение за общим историческим ландшафтом. Четвертое основание – включение в анализ зарубежной историографии диаспоры. Активное взаимодействие с зарубежными исследователями позволяет вводить в научный оборот новые источники и интерпретации, остающиеся за пределами мейнстримной российской историографии. Это расширяет границы «пространства памяти» до глобальных масштабов, признавая, что историческое пространство не заканчивается у официальных границ, а простирается туда, где живут носители памяти.

4. Заключение

Рассматриваемое исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко ценно тем, что оно наглядно демонстрирует тупик, в котором оказалась современная историография Кавказской войны. Однако их попытка выйти из этого тупика с помощью поиска «медианной позиции» методологически уязвима. Как свидетельствуют теоретические разработки в современном кавказоведении, «объективность» в историческом познании достигается не усреднением различных точек зрения, а их сопоставлением, критической рефлексией и признанием их равноправного статуса. Выход из кризиса лежит не в усреднении, а в усложнении картины. Полифоничный нарратив, признающий трагедию побежденных и рефлексирующий над травмой, не разрушает общероссийское историческое пространство, а, напротив, делает его более зрелым и способным к диалогу. Первым шагом к такому диалогу могло бы стать не усреднение позиций, а создание проблемно-ориентированных исследовательских коллективов, включающих историков из разных регионов и научных школ, работающих над общими проектами (например, «Устная история Кавказской войны», «Картография памяти»), где каждая из сторон могла бы предложить свою интерпретацию, не претендуя на монополию на истину. Работы современных кавказоведов демонстрируют возможность такого диалога: научного, методологически выверенного, свободного как от имперского высокомерия, так и от националистического мифотворчества.

Острота и непримиримость исторических дискуссий вокруг Кавказа проистекают не из «мифологизации» истории или недостаточной научной культуры местных исследователей, как это

имплицитно подразумевается в работе А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, а из принципиально иной онтологической природы истории в этом культурном пространстве. История здесь не предмет интерпретации, а основа бытия, «пространство памяти». Любая попытка вмешаться в это пространство, переписать его ключевые события, оспорить их значимость, осквернить связанные с ними святыни или представить их как результат обоюдной вины, воспринимается носителями традиции не как академический спор, а как прямое покушение на родной дом. До тех пор, пока историческая наука будет отказывать целым народам в праве на их собственный, болезненный нарратив о прошлом, «война историографий» будет продолжаться, находя новую пищу в настоящем. Задача историка сегодня не судить, кто прав, а кто виноват, и тем более не искать искусственную «золотую середину», а создавать условия для того, чтобы все голоса были услышаны, и чтобы «источники, как храмы на крови», обрели, наконец, своих внимательных и чутких исследователей.

Литература

- Анчабадзе, 2024** – Анчабадзе Г.З. Характер и временные рамки Кавказской войны / *Материалы научной конференции, приуроченной к 160-летию окончания Кавказской войны и 110-летию Г.А. Дзидзария «Кавказская война: уроки истории и современность»*. Сухум: АГУ, ОП РФ, АБИГИ, Госкомитет по репатриации РА, 2024. С. 13-20.
- Бахтин, 1929** – Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 244 с.
- Блиев, Дегоев, 1994** – Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 591 с.
- Виноградов, Виноградов, 2006** – Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. «Кавказская война» – изжившая себя дефиниция в познании процесса включения Северного Кавказа в состав России // *Вопросы южнороссийской истории*. 2006. № 1. С. 94.
- Дзамихов, 2005** – Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик: Эльбрус, 2005. 109 с.
- Дзамихов, 2014** – Дзамихов К.Ф. (ред.) Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: КБИГИ РАН, 2014.
- Касумов, 1992** – Касумов А.Х. Геноцид адыгов: Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 199 с.
- Панеш, 2006** – Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: Адыгея, 2006. 128 с.
- Панеш, 2007** – Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе межкавказских связей (1829–1864). Майкоп: Качество, 2007. 240 с.
- Панеш, 2015a** – Панеш А.Д. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и внешнеполитическое положение Западной Черкесии // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2015. № 58. С. 82-84.
- Панеш, 2015b** – Панеш А.Д. Мухаммед Амин и Сефер-бей Заноко как фактор взаимодействия Черкесии и имамата Шамиля / *Новая Турция*. Анкара, 2015. С. 620-630.
- Скиба, 2005** – Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии / Под ред. В.Г. Виноградова. Армавир, 2005. 123 с.
- Тлепцок, 2010** – Тлепцок Р.А. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / Ред. и автор предисл. Э.А. Шеуджен. М.: Издательство социально-гуманитарные знания, 2010. 680 с.
- Тлепцок, 2025** – Тлепцок Р.А. Кавказ в пространстве истории: в поисках алгоритма и методологии исследования. СПб.: Тот Питер, 2025. 212 с.
- Тугуз, 2006** – Тугуз Х.И. Русско-Кавказская война: правда и мифы / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 489-545.
- Урушадзе, 2018** – Урушадзе А.Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 129-156.
- Ушпаров, 2024** – Ушпаров И.А. Структуры нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне в публичном дискурсе Республики Карачаево-Черкесия // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2024. № 1. С. 61-72.
- Хотко, 2002** – Хотко С.Х. Черкесские мамлюки. Майкоп: Адыгея, 2002. 256 с.
- Хотко, 2019** – Хотко С.Х. Черкесия: исторические очерки. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2019. 534 с.
- Хотко, 2021** – Хотко С.Х. Адыги. Этногенез, историческая этнография, политическая история. Т. I: Этногенез и культурное наследие. Майкоп, 2021.
- Шеуджен, 2005** – Шеуджен Э.А. Историография: вопросы теории и методологии: курс лекций. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2005. 272 с.
- Шеуджен, 2006** – Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 692-704.
- Шеуджен, 2010** – Шеуджен Э.А. Адыги: структура исторической памяти // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 2 (62). С. 53-61.

- Шеуджен, 2017 – Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы): проблемы исторической памяти // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2017. № 1. С. 56-68.
- Шнирельман, 2023 – Шнирельман В.А. Социальная травма и особенности памяти // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 1. С. 5-10.
- Bedrik, Tkalenko, 2025a – Bedrik A.V, Tkalenko N.S. The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1 // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1203-1212.
- Bedrik, Tkalenko, 2025b – Bedrik A.V, Tkalenko N.S. The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2 // *Bylye Gody*. 2025. 20(4): 1740-1751.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 68-85.
- Krinko et al., 2017 – Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M. Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. Pp. 821-835.
- Tleptsok, Sheudzhen, 2017 – Tleptsok R., Sheudzhen E. The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains // *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Cambridge Scholars Publishing, 2017. Vol. 1. Pp. 189-199.

References

- Anchabadze, 2024 – Anchabadze, G.Z. (2024). Kharakter i vremennye ramki Kavkazskoi voyny [the nature and time frame of the Caucasian war]. *Materialy nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 160-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voiny i 110-letiyu G.A. Dzidzariya «Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennot'»*. Sukhum: AGU, OP RF, AbIGI, Goskomitet po repatriatsii RA. Pp. 13-20. [in Russian]
- Bakhtin, 1929 – Bakhtin, M.M. (1929). Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Art]. Leningrad: Priboi. 244 p. [in Russian]
- Bedrik, Tkalenko, 2025a – Bedrik, A.V, Tkalenko, N.S. (2025). The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1. *Bylye Gody*. 20(3): 1203-1212.
- Bedrik, Tkalenko, 2025b – Bedrik, A.V, Tkalenko, N.S. (2025). The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2. *Bylye Gody*. 20(4): 1740-1751.
- Bliev, Degoev, 1994 – Bliev, M.M., Degoev, V.V. (1994). Kavkazskaya voina [The Caucasian war]. M.: Roset. 591 p. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- Dzamikhov, 2005 – Dzamikhov, K.F. (2005). Adygi: bor'ba i izgnanie [The Adygs: struggle and exile]. Nalchik: El'brus. 109 p. [in Russian]
- Dzamikhov, 2014 – Dzamikhov, K.F. (ed.) (2014). Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya) [The Caucasian war: actual problems of historical discourse (to the 150th anniversary of the end)]. Nalchik: KBIGI RAN. [in Russian]
- Kasumov, 1992 – Kasumov, A.Kh. (1992). Genotsid adygov: Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke [The genocide of the Adygs: from the history of the Adygs' struggle for independence in the 19th century]. Nalchik. 199 p. [in Russian]
- Khotko, 2002 – Khotko, S.Kh. (2002). Cherkesskie mamlyuki [Circassian Mamluks]. Maikop: Adygeya. 256 p. [in Russian]
- Khotko, 2019 – Khotko, S.Kh. (2019). Cherkesiya: istoricheskie ocherki [Circassia: historical essays]. Maikop: Adyg. resp. kn. izd-vo. 534 p. [in Russian]
- Khotko, 2021 – Khotko, S.Kh. (2021). Adygi. Etnogenez, istoricheskaya etnografiya, politicheskaya istoriya. T. I: Etnogenez i kul'turnoe nasledie [The Adygs. Ethnogenesis, historical ethnography, political history. Vol. I: Ethnogenesis and cultural heritage]. Maikop. [in Russian]
- Krinko et al., 2017 – Krinko, E.F., Suschiy, S.J., Mamadaliev, A.M. (2017). Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders. *Bylye Gody*. 45(3): 821-835.
- Panesh, 2006 – Panesh, A.D. (2006). Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.) [Muridism and the struggle of the Adygs of the North-Western Caucasus for independence (1829–1864)]. Maikop: Adygeya. 128 p. [in Russian]
- Panesh, 2007 – Panesh, A.D. (2007). Zapadnaya Cherkesiya v sisteme mezhkavkazskikh svyazei (1829–1864) [Western Circassia in the System of Inter-Caucasian Relations (1829–1864)]. Maikop: Kachestvo. 240 p. [in Russian]
- Panesh, 2015a – Panesh, A.D. (2015). Russko-turetskaya voina 1828–1829 gg. i vneshnepoliticheskoe polozhenie Zapadnoi Cherkesii [The Russo-Turkish war of 1828–1829 and the foreign policy situation of Western Circassia]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 58: 82-84. [in Russian]
- Panesh, 2015b – Panesh, A.D. (2015). Mukhammed Amin i Sefer-bei Zanoiko kak faktor vzaimodeistviya Cherkesii i imamata Shamilya [Muhammad Amin and Sefer Bey Zanoiko as a factor of interaction between Circassia and Shamil's imamate]. *Novaya Turtsiya*. Ankara. Pp. 620-630. [in Russian]

Sheudzhen, 2005 – *Sheudzhen, E.A.* (2005). *Istoriografiya: voprosy teorii i metodologii: kurs lektzii* [Historiography: Issues of Theory and Methodology: a Course of Lectures]. Maikop: Adygeiskii gosudarstvennyi universitet. 272 p. [in Russian]

Sheudzhen, 2006 – *Sheudzhen, E.A.* (2006). *Istoricheskaya pamyat' i problemy Kavkazskoi voiny* [Historical memory and problems of the Caucasian war]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 692-704. [in Russian]

Sheudzhen, 2010 – *Sheudzhen, E.A.* (2010). *Adygi: struktura istoricheskoi pamyati* [The Adygs: the structure of historical memory]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2(62): 53-61. [in Russian]

Sheudzhen, 2017 – *Sheudzhen, E.A.* (2017). *Adygi (cherkesy): problemy istoricheskoi pamyati* [The Adygs (Circassians): problems of historical memory]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 1: 56-68. DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-56-68 [in Russian]

Shnirelman, 2023 – *Shnirelman, V.A.* (2023). *Sotsial'naya travma i osobennosti pamyati* [Social trauma and features of memory]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1: 5-10. [in Russian]

Skiba, 2005 – *Skiba, K.V.* (2005). *Iz istorii «Maloi Kavkazskoi voiny» na Kubanskoj Linii* [From the history of the “Little Caucasian War” on the Kuban Line]. Ed. by V.G. Vinogradov. Armavir. 123 p. [in Russian]

Tleptsov, 2010 – *Tleptsov, R.A.* (2010). *Protsess inkorporatsii Kavkaza v Rossiiskuyu imperiyu. Izvlecheniya iz «Vestnika Evropy» (1802–1918 gg.)* [The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from the “Messenger of Europe” (1802–1918)]. Ed. and preface by E.A. Sheudzhen. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 680 p. [in Russian]

Tleptsov, 2025 – *Tleptsov, R.A.* (2025). *Kavkaz v prostranstve istorii: v poiskakh algoritma i metodologii issledovaniya* [The Caucasus in the space of history: in search of algorithm and research methodology]. St. Petersburg: Tot Piter. 212 p. [in Russian]

Tleptsov, Sheudzhen, 2017 – *Tleptsov, R., Sheudzhen, E.* (2017). *The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains. Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Cambridge Scholars Publishing. 1: 189-199.

Tuguz, 2006 – *Tuguz, Kh.I.* (2006). *Russko-Kavkazskaya voina: pravda i mify* [The Russian-Caucasian war: truth and myths]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 489-545. [in Russian]

Urushadze, 2018 – *Urushadze, A.T.* (2018). *Pomnit'-nel'z'ya-zabyt': Kavkazskaya voina v istoricheskoi pamyati adygov i rossiiskom prostranstve kommemoratsii* [Remember-cannot-forget: the Caucasian war in the historical memory of the Adygs and the Russian space of commemoration]. *Politicheskaya nauka*. 3: 129-156. [in Russian]

Ushparov, 2024 – *Ushparov, I.A.* (2024). *Struktury narrativov o deportatsii karachaevskogo naroda i Kavkazskoi voine v publichnom diskurse Respubliki Karachaevo-Cherkesiya* [Structures of narratives about the deportation of the Karachay people and the Caucasian war in the public discourse of the Karachay-Cherkess republic]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 1: 61-72. [in Russian]

Vinogradov, Vinogradov, 2006 – *Vinogradov, B.V., Vinogradov, V.B.* (2006). *«Kavkazskaya voina» – izzhivshaya sebya definitsiya v poznanii protsessa vklucheniya Severnogo Kavkaza v sostav Rossii* [The “Caucasian War” is an outdated definition in understanding the process of the incorporation of the North Caucasus into Russia]. *Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii*. 1: 94. [in Russian]

Кавказская война в историографии: методология кризиса и поиск полифоничного нарратива. Расширенная реплика к исследованию А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко

Руслан Асланович Тлепцок ^{a, *}

^a Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой критический ответ на историографическое исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, посвященное эволюции взглядов на Кавказскую войну в советской и российской науке. Цель работы - выявить методологические ограничения подхода авторов и предложить альтернативную исследовательскую оптику. В первой части анализа демонстрируется, что предложенная А.В. Бедриком и Н.С. Ткаленко концепция «медианной позиции», претендующая на объективность, на практике ведет к иерархизации историографических традиций и маргинализации северокавказской точки зрения посредством риторических стратегий квалификации «национальных» историографий как «эмоциональных» и «радикальных». Во второй части, опираясь на теоретическое наследие Э.А. Шеуджен, разрабатывавшей проблемы «взгляда

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bun102@yandex.ru (Р.А. Тлепцок)

извне», исторической памяти и методологии историописания бесписьменных народов, а также на концепцию истории как «пространства памяти», обосновывается необходимость перехода от поиска единого «объективного» нарратива к построению полифоничной модели историописания. Дополнительно привлекается категория травмы, разрабатываемая в современных *memory studies*, позволяющая объяснить «эмоциональную заряженность» ряда историографических текстов не как отклонение от нормы научности, а как форму репрезентации коллективного опыта. Особое внимание уделяется методологическому значению работ Э.А. Шеуджен для понимания природы историографических конфликтов и преодоления «войны историографий».

Ключевые слова: Кавказская война, историография, методология, Э.А. Шеуджен, А.В. Бедрик, Н.С. Ткаленко, историческая память, «пространство памяти», полифоничный нарратив, «война историографий», *memory studies*.